

СОДЕРЖАНИЕ

.....

<i>О конфиденциальности</i>	11
ТРАНСФОРМАЦИЯ	13
ВЕРВОЛЬФЫ: волнение от полной Луны	19
ЗАЧАТИЕ: первая и вторая причина для существования	31
СОН: камера сновидений	45
БОДИБИЛДИНГ: потерявшие рассудок от ярости	55
СКАЛЬП: о рогах, страхе и славе	67
РОЖДЕНИЕ: новая форма сердца	75
ОМОЛОЖЕНИЕ: алхимия молодости и красоты	87
ТАТУИРОВКИ: искусство перевоплощения	97
АНОРЕКСИЯ: магия контроля	109
ГАЛЛЮЦИНАЦИИ: область дьяволов	119
ПОЛОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ: внезапно ускоренная молодость	129

БЕРЕМЕННОСТЬ: самая кропотливая работа	141
ГИГАНТИЗМ: два великана из Турина	157
ГЕНДЕР: две жизни Тиресия	167
ДЖЕТЛАГ: мозг, который все еще в небе	183
ВПРАВЛЕНИЕ КОСТЕЙ: алгебра исцеления	191
МЕНОПАУЗА: третье лицо богини	203
КАСТРАЦИЯ: надежда, любовь и жертва	215
СМЕХ: превосходство внутри нас	227
ПРОТЕЗИРОВАНИЕ: Человек 2.0	235
ПАМЯТЬ: дворцы забвения	247
СМЕРТЬ: радость жизни	265
МЕТАМОРФОЗЫ	277
БЛАГОДАРНОСТИ	281
<i>Список использованной литературы</i>	284
<i>Список иллюстраций</i>	299

О конфиденциальности

Эта книга – сборник историй о медицине и переменах в человеческом теле. Подобно тому как врачи ценят привилегию доступа к человеческому телу, они должны ценить и доверие, с которым пациенты делятся своими историями. Это не вызвало сомнений уже две с половиной тысячи лет назад, ведь клятва Гиппократа гласит: «Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной». Как врач и писатель я много размышлял о том, что можно и нельзя рассказывать, не предав при этом доверия моих пациентов.

Описанные в книге ситуации основаны на моем врачебном опыте, но образы пациентов изменены до неузнаваемости. Любые совпадения случайны. Сохранение конфиденциальности – неотъемлемая часть моей работы: мы все периодически бываем пациентами и надеемся, что нас услышат и отнесутся к нашей личной информации с уважением.

Человечество (*сущ.*) — человеческая раса, человеческий род, человеческая природа; люди.

Человеческий (*прил.*) — смертный, личный, индивидуальный, социальный.

Перемена (*сущ.*) — изменение, мутация, вариация, модификация, девиация, поворот, эволюция, революция, трансформация, трансфигурация; метаморфоза.

Менять (*гл.*) — преобразовывать; корректировать, поворачивать, сдвигать, отклоняться, перемещать, сворачивать. Трансформировать, видоизменять, преображать.

ТРАНСФОРМАЦИЯ

Из такого простого начала развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм.

Чарльз Дарвин. О происхождении видов

.....

Рядом с местом моей работы есть парк. Вишни и вязы, растущие в нем, словно по волшебству, меняются в течение года. Когда у меня есть несколько свободных минут, я присаживаюсь на скамейку и люблюсь ими. Зимой случаются бури, и за последние годы несколько самых высоких вязов повалило ветром. Когда они падают, на месте их корней остаются глубокие ямы, будто бы вырытые под гроб. Ближе к Пасхе ветви окутывает такой чарующий зеленый цвет, что я начинаю понимать, почему его иногда называют райским. Весной с цветущих вишен на траву сыплются лепестки, и, если вы прогуляетесь под ветвями, вас с головы до ног покроет розовое великолепие. Летний воздух кажется спелым и плотным; повсюду барбекю, дети, играющие на покрывалах в тени деревьев, и акробаты, прыгающие через веревку, натянутую между стволами. Однако мое любимое время года — осень, когда небо кажется

высоким, а воздух — чистым и хрупким. Мне нравится, когда мои ноги утопают в темно-красных, коричневых и золотых листьях. Я наблюдал за этим парком около 25 лет: он расположен рядом со школой медицины, где я учился.

На первом году обучения, когда мне было 18, я шел по этим листьям на занятие по биохимии. Я никогда не забуду его. На лекции я узнал о том, что воплощало в себе сложность, связность и даже чудо жизни. Начало занятия предвещало неладное: на стену была спроецирована сложная схема молекулы гемоглобина. Преподавательница объяснила, что химическое вещество под названием порфириновое кольцо, связывающее кислород с эритроцитами, необходимо как для гемоглобина в крови, так и для хлорофилла в листьях, поглощающего солнечную энергию.

Молекулярная структура, проецируемая на стену, напоминала четырехлистный клевер, причем «листья» порфирина соединялись между собой конструкциями чуть ли не готической сложности. В сердце каждого из четырех «листьев», словно в колыбели, находился лавово-красный атом железа.

Она объяснила, что, когда кислород попадает в центр каждого «листа», он краснеет, подобно осеннему клену, а когда кислород выходит, становится фиолетовым. Сплошная биохимия. «Однако это не статичный процесс, — сказала преподавательница, — а динамичный и живой». Связывание с кислородом преобразует «колыбель» атома железа; напряжение этой реакции тянет крошечный атомный рычаг, сгибающий «колыбели» остальных трех «листьев», стимулируя большее потребление кислорода. В тот раз я впервые осознал, как удивительна биохимия. Настолько же поразительна, насколько должна быть очевидна: от хлорофилла к гемоглобину молекулы взаимодействуют друг с другом, чтобы поддерживать жизнь.

Глядя на диаграмму, я пытался представить миллиарды молекул своего собственного гемоглобина, которые меняют форму, собирая кислород у меня в легких с каждым моим вдохом. Затем биение моего сердца толкает реки крови к мозгу, мышцам, печени, где то же самое происходит в обратном порядке. Эта трансформация казалась мне такой же жизненно необходимой и непреходящей, как ежегодный рост и опадание листьев. Мне казалось невероятным, что все это происходит внутри моего тела секунду за секундой.

«Чем больше ткани нуждаются в кислороде, тем больше кислот в них накапливается, — продолжила преподавательница. — Кислотность заставляет гемоглобин доставлять *ровно столько кислорода, сколько требуется*». Это было второе открытие за утро: кровь удивительным образом настроена на то, чтобы восполнять потребность в кислороде на всех участках тела. Она начала объяснять, каким образом гемоглобин плода слегка повышается, чтобы привлечь больше кислорода по плаценте от матери, но я был так поражен первыми двумя открытиями, что практически ее не слушал.

По словам преподавательницы, благодаря порфиринам на Земле возможна жизнь в привычной нам форме.

Я чувствовал, как воздух пронизывается почтением, смеяющимся радостью; факт существования такого равновесия внутри хаоса химии организма казался мне удивительно прекрасным, но одновременно пугал своей неизбежностью.

Тема трансформации — одна из древнейших в литературе и искусстве: еще две тысячи лет назад древнеримский поэт Овидий в «Метаморфозах» изобразил природу и человечество как бурлящий водоворот, где все живое и неживое попадает в циклы перемен: «Словно податливый воск, что в новые лепится формы, не пребывает одним, не имеет единого вида, но остается собой, — так точно душа, оставаясь тою же, — так я учу, — переходит в различные плоти»¹. Овидий завершил поэму словами о братстве всего живого и страстным призывом относиться к любым существам с состраданием. Сострадание находится в сердце врачебной практики: меди-

Слово «пациент» означает «страдающий», и заниматься медицинской — значит искать способы облегчить человеческие страдания.

цину можно описать как союз науки и доброты. Эта книга отдает дань динамизму и преобразованиям в человеческой жизни.

Величественная кавалькада космоса разворачивается перед нами в своей эволюции: Вселенная расширяется, спираль Галактики раскручивается, Земля вращается вокруг своей оси, и Луна становится все дальше с каждым годом. Благодаря наклону оси нашей планеты мы наблюдаем смену времен года; более триллиона приливов уже омыли берега Земли. «Ничто не остается прежним» — это прописная истина, которая может восприниматься одновременно как проклятие и как благословение. «Нельзя дважды войти в одну реку», — писал Гераклит, и наши тела постоянно обновляются, подобно берегам реки.

¹ Перевод с латинского С. В. Шервинского. — *Примеч. пер.*

Жить — значит претерпевать постоянные изменения. Наши границы податливы: их формируют и меняют элементы нашего окружения. Речная вода когда-то была морскими брызгами; в следующем году она уже может течь в крови вашего соседа. Вода в вашем мозге когда-то выпала дождем на древние равнины и смешалась с водами давно исчезнувших океанов. С этой точки зрения, само тело — стремительный поток или горящий огонь: ни один из моментов не будет таким же, как другой. Во время роста, восстановления, адаптации и старения наши тела неизбежно меняют форму, а во время сна, запоминания и обучения то же самое происходит и с нашим разумом. От кризисов, переполняющих нас эмоциями, до перемен, происходящих от зачатия и до смерти; посредством нейронных потоков, связывающих сознание с изменениями, происходящими под влиянием силы воли и решительности, мы воплощаем собой перемены.

Метафора перемены интересует меня как писателя, это занимало поэтов, художников и мыслителей на протяжении тысячелетий. Как врач я заинтересован в том же, потому что заниматься медициной — значит искать положительные изменения, пусть даже незначительные, в разумах и телах моих пациентов.

ВЕРВОЛЬФЫ: волнение от полной Луны

Как первое человеческое перевоплощение
такого рода превращение Ликаона
[в волка] стоит рассмотреть подробно.

Женевьев Лайвли. Метаморфозы Овидия

.....

Иногда ночью в отделение экстренной помощи поступает особенно много окровавленных жертв насилия или пациентов с психическими расстройствами, кто-нибудь из моих коллег обязательно говорит: «Должно быть, сегодня полнолуние». В напряженную ночную смену я даже выхожу на улицу, чтобы найти на небесах объяснение моей загруженности на Земле. С древних времен люди верили, что Луна влияет не только на приливы и фертильность женщин, но и на разум. Отелло говорит Эмилии: «Луна с пути, должно быть, уклонилась: к Земле спустилась больше, чем обычно, и сводит всех с ума»¹. Джеймс Джойс в «Улиссе» пишет о способности Луны «очаровывать, убивать, окутывать красотой, сводить с ума». Убеждение, будто Луна способна влиять на человеческую психику, широко распространено:

¹ Перевод Анны Радловой. — *Примеч. пер.*

многочисленные исследования, проведенные в Индии, Иране, Европе и США, подтверждают это. Согласно результатам одного американского исследования, 40% людей считают, что Луна влияет на разум. Более раннее исследование показало, что 74% специалистов в области психического здоровья убеждены в том же. Однако статистики не смогли обосновать это: количество пациентов, поступивших в больницу с травмами, маниями и патологиями сна («лунатизмом»), не зависит от фазы Луны, и нет никакой связи между полнолунием и попытками самоубийств, автомобильными авариями и звонками на линию психологической помощи. И мои коллеги, и 74% опрошенных американских психиатров ошибаются.

Три калифорнийских психиатра решили выяснить, действительно ли настолько распространенное убеждение не соответствует реальности. В исследовании под названием

Даже незначительное сокращение продолжительности сна способно спровоцировать эпилептические припадки.

«Другой взгляд на Луну и сумасшествие» они предположили, что до изобретения яркого электрического освещения в XIX веке полнолуние влияло на людей с шатким психическим здоровьем, так как нарушало продолжительность сна и его качество. Они доказали, что отдых в темноте

в течение 14 часов в сутки может предотвратить приступы маниакального психоза и что даже незначительное сокращение продолжительности сна способно ухудшить психическое здоровье.

То же самое было подтверждено и моими пациентами, страдающими биполярным расстройством и эпилепсией. Мозговая активность, связанная с крепким сном, коррелирует с мозговой активностью, связанной с устойчивым психическим состоянием, однако пока неизвестно, каким образом.

До распространения искусственного освещения людям было «выгодно» полнолуние, поскольку лунный свет был достаточно ярким, чтобы находиться ночью вне дома. «Лунное

общество» промышленников и представителей интеллигенции, существовавшее в Англии в XVIII веке, получило свое название не из-за предмета изучения, а из-за того, что его членам было удобнее собираться по вечерам при полной Луне. Однако лунный свет иногда отбрасывал тени, поражавшие воображение впечатлительных людей. «Умалишенные становятся более встревоженными при полной Луне и на рассвете, — писал в XIX веке французский психиатр Жан-Этьен Эскироль. — Разве не этот яркий свет освещает их жилища, что пугает одних, радуется других и волнует всех?»

Джоан Фредерик доставили в больницу на «Скорой помощи». В ее карте поперек страницы было написано: «истерический делирий». Историю болезни рассказала ее соседка по комнате: на протяжении нескольких дней Джоан была простужена и чувствовала слабость и пошла в аптеку, чтобы купить лекарства. Лекарства не помогли: слабость усилилась, появилась боль в животе, а кожа будто бы горела. Моча была горячей и вязкой, а мочеиспускание — болезненным. У нее раньше были инфекции мочевого пузыря, но на этот раз она чувствовала себя иначе: ею овладело чувство дискомфорта, распространившееся от туловища к конечностям. Ноги тряслись, руки ослабли, и легкая лихорадка не отступала ни на минуту. Джоан записалась на прием к терапевту, но так к нему и не попала: соседка вызвала «Скорую помощь», когда ей стали мерещиться гигантские лягушки на стенах. На пути в больницу у нее случился припадок, к тому моменту, как я увидел ее, ей успели вколоть седативные препараты.

Существуют сотни причин, по которым у человека может развиваться «истерический делирий»: наркотическая передозировка, «ломка», инфекция, инсульт, черепно-мозговая травма, психическое расстройство и даже нехватка того или иного витамина. Однако анализы крови Джоан были хорошими, а компьютерная томография мозга не выявила никаких патологий. Пока Джоан лежала, находясь под действием седативных препаратов, соседка рассказала мне о

ней. Джоан вела относительно тихую жизнь; у нее было несколько близких друзей, но обычно она замыкалась в себе. Ранее она уже попадала в больницу с «нервным срывом»: в ее карте говорилось, что у нее был короткий эпизод парализующей паники и тревожности, который завершился после нескольких дней отдыха. Джоан работала администратором в подвале здания городского совета. Ей нравилась эта работа, потому что давала возможность не находиться на солнце. «Она легко обгорает, — сказала ее соседка. — Видели бы вы ее летом: у нее кожа слезает от солнца». На ее теле были коричневые пигментные пятна, больше всего — на лице и на руках, будто бы гранулированный кофе растерли по мокрой коже.

Я был начинающим врачом, и для меня, как, впрочем, и для других медиков, диагноз Джоан был загадкой. Когда мой наставник пришел на обход, он внимательно выслушал историю Джоан и просмотрел записи, сделанные во время ее предыдущей госпитализации. Он осмотрел ее кожу, пролистал нормальные результаты анализов, а затем взглянул на меня с выражением триумфа в глазах. «Нужно проверить ее порфирины», — сказал он.

Порфирины, составляющие основу гемоглобина и хлорофилла, вырабатываются в теле специальными ферментами, которые работают вместе, как команда монтажников. Если один из «монтажников» не выполняет свою работу должным образом, развивается порфирия. Частично сформированные кольца порфирина накапливаются в крови и тканях, вызывая криз, провоцировать который могут наркотики, диета и даже пара бессонных ночей. Некоторые порфирины удивительно чувствительны к свету (именно это позволяет им поглощать солнечную энергию в хлорофилле), и при определенных типах порфирии кожа на открытых для солнца участках покрывается язвами, которые затем рубцуются. Скопление порфиринов в нервах и мозге вызывает

онемение, паралич, психозы и припадки. Еще одно последствие скопления порфиринов в коже, которое пока не удается объяснить, — рост волос на лбу и щеках. Острая порфирия иногда сопровождается запорами и нестерпимой болью в животе. Стонущих пациентов довольно часто привозят в операционную, и их напрасно оперируют снова и снова, прежде чем врачи ставят правильный диагноз¹.

Результаты анализов Джоан подтвердили повышенный уровень порфиринов: скорее всего, у нее была редкая вариация под названием «пестрая порфирия». Лечение началось: отдых, отказ от препаратов, способных спровоцировать обострение (лекарства от простуды могли стать причиной кризиса) и внутривенное введение жидкостей. Мы также назначили пациентке инъекции глюкозы. За три дня она восстановилась и вышла из больницы со списком лекарств, которых следует избегать, и долгожданным объяснением ее повышенной чувствительности к солнечному свету.

В 1964 году в журнале «Труды Королевского Медицинского общества» появилась любопытная статья лондонского невролога Ли Иллиса. На четырех страницах он красноречиво и убедительно высказал предположение, что миф о вервольфах² был подтвержден или даже порожден порфирией. При таком кожном заболевании, как гипертрихоз, волосы начинают расти на лице и кистях рук, однако это не сопровождается проблемами с психикой. Бешенство у людей может быть причиной нервного возбуждения, агрессии и галлюцинаций, но изменений в коже при этом не происхо-

¹ Когда те же самые ферменты-монтажники перестают нормально функционировать в растениях, на листьях начинают появляться темные точки даже при кратковременном пребывании на солнце.

² Вервольф (нем. Werwolf) — оборотень, способный превращаться в волка. — *Примеч. ред.*

дит. Иллис подчеркнул, что больные порфирией избегают солнечного света и предпочитают выходить на улицу ночью. Кризисам обычно предшествуют периоды плохого сна или изменения в питании. При отсутствии лечения у некоторых больных кожа может стать бледной с желтоватым оттенком (из-за желтухи) и покрыться рубцами; на лице могут даже начать расти волосы. Люди с некоторыми типами порфирии имеют проблемы с психическим здоровьем и избегают социальных контактов, что провоцирует недоверчивое отношение к ним.

Раньше совокупность таких симптомов вызывала подозрение в занятиях колдовством. Французский экзорцист Анри Боге в *Discours exécration des Sorciers* (1602) хвастался числом вер-

74% специалистов в сфере психического здоровья считают, что полнолунные способны провоцировать сумасшествие.

вольфов и ведьм, которых он пытал и затем казнил.

«Все эти колдуны имели глубокие царапины на лице, руках и ногах, — писал он. — Один из них был настолько изуродован, что уже не был похож на человека, и никто

не мог взглянуть на него, не вздрогнув». Вполне естественно, что периоды сумасшествия, сопровождаемые светобоязнью, порождали в неграмотном, изолированном и легковерном обществе страх перед мнимыми оборотнями.

Согласно закону древних хеттов, людей исключали из общины со словами: «Ты становишься волком». Даже сегодня мы называем человека, который держится обособленно, «одиноким волком». Первое перевоплощение, описанное в «Метаморфозах» Овидия, было как раз перевоплощением человека в волка. Это произошло по желанию богов, которые хотели наказать людей за жестокость и каннибализм. Хотя волки уже никак не угрожают европейцам, мы все равно вспоминаем о них, когда нуждаемся в метафоре для характери-

стики злого или ненасытного человека: мы говорим «волчья ухмылка» и «волчий аппетит», а дети до сих пор боятся волков из «Красной Шапочки» и «Трех поросят». Наскальные рисунки, изображавшие волков, оставшиеся от наших предков, живших в палеолите, — одни из старейших сохранившихся произведений искусства.

Слово «вервольф» подразумевает физическую трансформацию человека в волка, в то время как греческий термин «ликантропия» означает ошибочную убежденность в реальности такой трансформации. Ликантропия — это форма психоза. Психиатры расширили использование этого термина, употребляя его по отношению ко всем случаям, когда пациент верит, что превращается в какое-либо животное. Более корректным термином является «териантропия», от греческого «терион» — «зверь». Плиний считал абсурдной идею физического перевоплощения человека в животное и утверждал, что на такую трансформацию способен лишь человеческий разум: «Способность людей превращаться в волков, а затем возвращаться к своему прежнему облику совершенно точно является выдумкой».

Короля Якова I Английского (Якова VI Шотландского) особенно увлекала возможность такого превращения, и в своей книге «Демонология» (1597) он писал о вервольфах: «Греки называют их «ликантропами», то есть «людьми-волками». Однако я полагаю, что если бы нечто подобное действительно существовало, то это следовало бы списать на естественный переизбыток меланхолии». Король Яков считал, что ликантропия — это временное помешательство рассудка, психическая проблема, а не реальное физическое перевоплощение. Греческий врач Марцелл Сидийский придерживался такого же мнения: он утверждал, что вервольфы, которые ночами приходят на афинские кладбища, — вовсе не оборотни, а просто больные. Византийский врач Павел Эгинский писал, что ликантропов следует лечить обильным кровопусканием,

сном и успокоительными средствами. Как можно заметить, это не сильно отличается от современных методов лечения порфирии.

Древняя литература переполнена воображаемыми превращениями. Одна из эклог Вергилия повествует о сумасшествии трех сестер, которые из-за проклятия считают себя коровами: «Они оглашали поля воображаемым мычанием... каждая боялась ярма на шее и часто искала рога на своем гладком лбу». В Ветхом Завете царь Навуходоносор превращается в животное, а затем впадает в депрессию: «Его прогнали от людей, и его разум уподобился разуму зверя; он жил с дикими ослами и ел траву, подобно волу; его тело омывалось небесной росой, пока он не признал, что Всевышний Бог властвует над царствами смертных и ставит над ними кого желает».

В Европе в период позднего Средневековья ужасы, описанные Боге, были относительно распространенным явлением: сотни так называемых вервольфов были приговорены к сожжению. В XVIII–XIX веках количество опубликованных докладов о ликантропии стало сокращаться параллельно с уменьшением числа суеверий (и популяций волков в Европе).

Однако предрассудки не были забыты целиком, они просто приобрели другую форму. В 1954 году Карл Юнг описал трех сестер, которые ночь за ночью видели сон о том, что их мать превратилась в животное. Он не удивился, когда много лет спустя у матери проявились признаки психотической ликантропии: дочери, по мнению Юнга, неосознанно распознали у своей матери давно подавляемую «первобытную идентификацию».

В современной культуре наиболее известным литературным произведением, описывающим ужас и метафорический потенциал превращения в животное, можно считать «Превращение» Кафки. Однажды утром Грегор Замза проснулся

и увидел, что превратился в «страшное насекомое» с тонкими лапками, мощными челюстями и панцирем, как у жука¹. Превращение Замзы необратимо: коммивояжер оказался на попечении своей семьи и был вынужден не покидать своей комнаты. Пока его шокированные родственники решали, как быть, он привык к своему новому облику: ползал по потолку и начал предпочитать гниющие кусочки половицы еде, которую приносили ему члены семьи. В конце концов его нашли мертвым на полу и, как любое насекомое, смели с пола и выбросили вместе с мусором.

«Превращение» Кафки не поддается буквальной интерпретации, однако обращено к тем, кто чувствует себя отчужденным, загнанным и беспомощным. Метаморфоза Замзы делает его пространственно и общественно изолированным, что знакомо многим из тех, кто страдает ментальными или телесными заболеваниями. Случаи обращения в животных, известные нам из мифов и фольклора, обычно обоснованны и даже справедливы, однако к переменам Замзы это не относится: «Он не мог придумать, как вернуть мир и порядок в этот хаос».

Один из вязов, стоящих неподалеку от моей клиники, для меня особенный. Это связано не с размерами дерева или формой ветвей, а с тем, что один из моих пациентов как-то упал с него с высоты шести метров. Гэри Хоббс не так часто ползал по деревьям. Молодой мужчина, страдающий шизофренией, принял коктейль из препаратов, содержащих метилendioксиметамфетамин (МДМА) и решил, что он превратился в кота. Очевидцы рассказали, что в день падения он бродил по окрестным улицам и изучал содержание мусорных баков, а затем забрался на вяз и начал шипеть на прохожих. Когда приехала полиция, он забрался выше. Когда подошел человек

¹ Превращения в современных сказках Анжелы Картер такие же поразительные.

с собакой, чтобы посмотреть, что происходит, Гэри отпрыгнул и взвизгнул, демонстрируя страх перед собакой. Пока полицейские обсуждали, как снять его оттуда, Гэри соскользнул и упал на землю, сломав запястье и ударившись головой. Он лежал на земле и мяукал, а затем его срочно доставили в отделение экстренной помощи.

На следующее утро Гэри проснулся в ортопедическом отделении с гипсом на руке. Он с неохотой обсудил случившееся с больничным психиатром. Его отпустили домой, в жилой комплекс с маленькими квартирками, где круглосуточно

Ранние европейские и ближневосточные мифы полны сюжетов о превращении в животных.

дежурил комендант, готовый прийти на помощь. Когда я приходил его проведать, видел открытые банки с кошачьей едой и гадал, ест ли он из них. Время

от времени я спрашивал его о той ночи, но он всегда менял тему разговора. Я слышал, что он подобрал пару бездомных котов; в его входной двери были отверстия, чтобы они могли входить и выходить.

Некоторые ученые считают мифы о превращении в животных доказательством того, что в древности животным поклонялись.

Взглянув на популярные поисковые запросы, вы убедитесь в том, что благоговение перед кошками и собаками сохраняется и по сей день. В фольклорных традициях тоже хватает таких сюжетов: от кельтских сказок о превращении людей в тюленей до шаманских преобразений в тотемных животных.

Эти истории объединяет общая идея: потеря связи с человеческим миром может быть опасной. Шелки, то есть люди-тюлени, которые оставались тюленями слишком долго, рисковали поплатиться своей человеческой жизнью. Духовно слабые или недостаточно подготовленные шаманы могли навсегда остаться в животном обликии.

«Все они в каком-то смысле выючные животные, — писал Торо, — созданные, чтобы тащить на себе наши мысли». Зайдите в любой магазин игрушек или посмотрите несколько телепрограмм для детей, и вы увидите, какой значительной частью западной культуры продолжают оставаться очеловеченные животные. От Кролика Питера до Стюарта Литтла, от костюмов тигров до праздников с раскрашиванием лиц — возможность перенимать внешний облик и повадки животных позволяет детям почувствовать себя сильнее, меньше, быстрее или ловчее, чем на самом деле. Некоторым взрослым териантропия предлагает то же самое: освобождение от ограничений и давления повседневной жизни.

В конце 1980-х годов группа психиатров из Массачусетса опубликовала статью, содержащую описание 12 случаев, с которыми им довелось иметь дело более чем за 14 лет работы в клинике неподалеку от Бостона.

Двое пациентов имели истинную ликантропию и считали себя волками, двое — котами, двое — собаками и двое — непонятными животными (один из них «ползал, выл, ухал, царапался, топал ногами и гадил», а второй «ползал, рычал и лаял»). Из оставшихся четырех один был тигром, один — кроликом, один — птицей и один — песчанкой, которых он разводил всю жизнь.

Среди этих пациентов шизофрения не преобладала: у восьми из них было диагностировано биполярное расстройство, у двух — шизофрения, у одного — депрессия и еще у одного — пограничное расстройство личности. «Наличие ликантропии не имеет никакой прямой связи с прогнозом, — писали авторы. — Делюзия превращения в животное не является более опасной, чем любая другая делюзия». Дольше всего делюзия длилась у 24-летнего мужчины, который после запоя решил, как Гэри Хоббс, что он кот в человеческом облике. К моменту публикации статьи этот мужчина жил в образе кота на протяжении 13 лет подряд.

Гэвин Фрэнсис

«По словам пациента, он узнал, что является котом, когда кот их семьи поведал ему этот секрет, а затем и обучил его «кошачьему языку», — писали психиатры. — Он работал на нормальной работе, но жил с котами, занимался с ними сексом, охотился и ночами предпочитал ходить на сборища котов, а не людей». Психиатры практически не надеялись на его выздоровление: его состояние не улучшалось, несмотря на курсы антидепрессантов, антиконвульсантов, антипсихотиков, а также шесть лет психотерапии. «Его самой большой, но безответной любовью была тигрица в местном зоопарке, — писали авторы исследования. — Он надеялся однажды ее освободить».

ЗАЧАТИЕ: первая и вторая причина для существования

Пусть стыдится каждый, кто плохо об этом подумает.

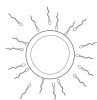
«Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь»¹

.....

Во время учебы в школе медицины я подрабатывал в баре, а летом препарировал человеческие трупы. Поначалу мне казалось, что работа в баре подготовит меня к жизни, а работа в анатомической лаборатории — к смерти. Я находил это не зловещим, а очень полезным: за свои старания я получил крепкий желудок и глубокие знания в области анатомии. Однако о смерти я так ничего и не узнал.

Только начав работать врачом, я стал выполнять самые тяжелые свои обязанности: сообщать о неизлечимых заболеваниях и говорить людям о смерти их близкого человека. В больнице я постоянно присутствовал в мо-

¹ «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» (англ. Sir Gawain and the Green Knight) — поэма неизвестного автора XIV века, написанная на среднеанглийском языке. Представляет собой рыцарский роман, посвященный приключениям сэра Гавейна, племянника короля Артура. — *Примеч. ред.*

мент умирания: был рядом, когда человек делал свой последний вдох, или наблюдал за тем, как холодеет кожа после неувечавшихся успехом реанимационных действий. Мне казалось странным, что в это мгновение не происходит никаких материальных изменений: мертвое тело продолжает состоять из тех же элементов, из каких оно состояло при жизни

Красные ястребы — мастера полета: римские корабли проектировали по форме их хвоста, и сам Леонардо внимательно наблюдал за ними, разрабатывая свои летательные аппараты.

еще несколько секунд назад. Динамизм, присущий жизни, только начинает затихать.

Раньше люди верили, что в момент смерти душа покидает тело через открытый рот. «Ваше существование зависит от нити, — писал Монтень, — закрепленной лишь на кончиках губ». Иногда эта нить крепка и хорошо привязана, а иногда — тонкая и слабо закрепленная. Для Монтеня смерть — это порванная нить на жизненном ткацком станке, в то время как зачатие — всего лишь новая нить, которая внесет свой вклад в создание ковра жизни.

Леонардо да Винчи писал, что его первое воспоминание связано с красным ястребом (хищной птицей, питающейся падалью), который подлетел к его колыбели и разомкнул его губы своим хвостом. Интерпретации того раннего воспоминания разнятся: для одних это знак его гениальности, для других — свидетельство его исключительности, а для третьих — показатель гомосексуальности.

Примерно в 1503 году он написал взрослую Деву Марию, сидящую на коленях своей матери, святой Анны. Мария протягивает руки к Иисусу, чтобы вернуть его в семью, но он ускользает от нее, пытаясь оседлать ягненка, символизирующего грядущее распятие.

Во времена Леонардо убеждение о том, что Мария забеременела, будучи девственницей, давно укоренилось. Счита-

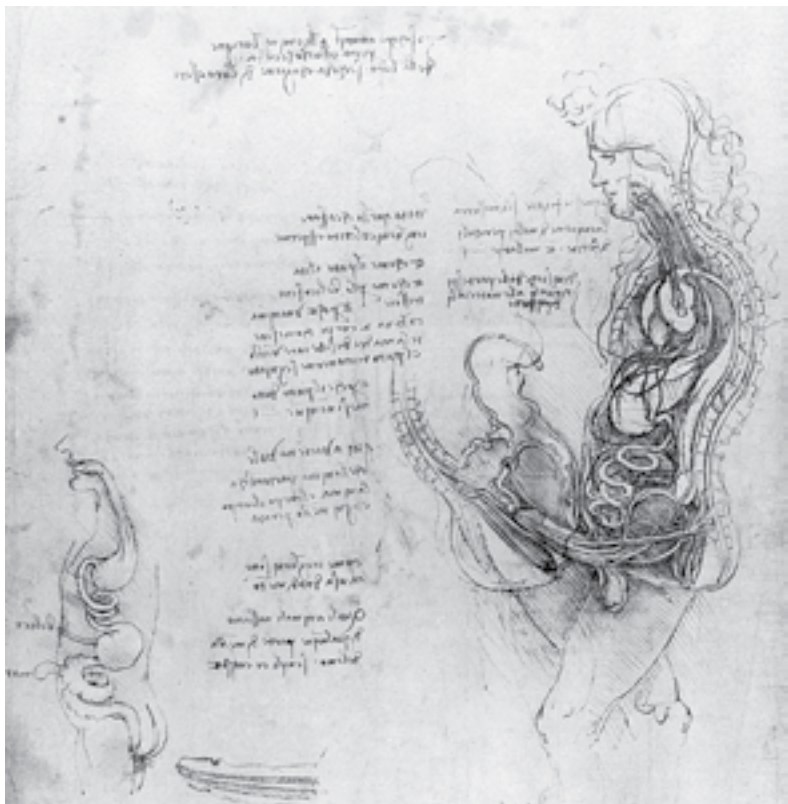
лось, что она сама была зачата таким же образом. Папа римский того времени закрепил это в вероучении. Всего двумя веками ранее Анна была центральной фигурой средневекового культа плодовитости: на ранних картинах ее изображали с тремя дочерьми, каждую из которых звали Мария, зачатыми от трех разных мужей. Во времена, когда женщины часто беременели, по 20 раз в течение жизни, несколько беременностей Анны делали ее популярной святой.

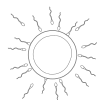
Даже для тех, кто не был святым, создание новой жизни казалось божественным чудом, находящимся за гранью че-

ловческого понимания. Было ясно, что секс как-то связан с зачатием, но сам механизм оставался загадкой. Однако Леонардо стремился понять каждый этап жизни человека, включая его зачатие. На одном из своих самых известных рисунков, созданном на 10 лет ранее описанной выше картины, он попытался изобразить анатомию мужчины и женщины в сам момент зачатия.

До него мало кто пытался это сделать, и, хотя Леонардо был талантливым анатомом и прозектором, большая часть его сексуальной анатомии на рисунке не соответствует действительности. Он придерживался мнения о том, что жидкости

тела преобразуются одна в другую под воздействием тепла и активности. Изображенная им матка имеет трубу, которая напрямую соединяет ее с грудью (он считал, что грудное молоко – это преобразованная менструальная кровь); матка получает поток женской семенной жидкости непосредственно из позвоночника. Его понимание мужской сексуальной анатомии было таким же специфическим: он нарисовал канал от сердца к жидкости, омывающей позвоночник; другие каналы, по его мнению, переносили семя из мозга к позвоночнику и к пенису. Яички выполняют функцию противовеса, удерживая каналы в правильном положении. У Леонардо, должно быть, было чувство юмора, так как под своим рисунком он написал: «Я раскрываю мужчинам их первую и, возможно, вторую причину для существования».

Через 20 лет, после того как Леонардо да Винчи изобразил святую Анну, немецкий врач Евхарий Рёсслин вдохновился Бытием 3:16: «Я мучительной сделаю беременность твою: в страдании ты будешь рожать детей. Ты будешь желать мужа, и он будет властвовать над тобою». Он полагал, что «естественное совместное удовольствие мужчины и женщины» является частичной компенсацией за родовую боль и помогает отвлечься от мыслей о неминуемой смерти.

К 1700-м годам немецкому врачу Альбрехту фон Галлеру было известно, что яйцеклетки образуются в яичниках, однако он думал, что во время секса каждая маточная труба твердеет, а затем, «окружая и сжимая яичник, [она] выдавливает и поглощает созревшую яйцеклетку». Прошло еще 70 лет, прежде чем Карл Эрнст фон Баер, еще один немец, действительно рассмотрел яйцеклетку млекопитающих (собаки). Однако только в 1930-х годах человеческую яйцеклетку увидели внутри маточной трубы женщины, и тогда было положено начало пониманию процесса зачатия.

Значительная часть моей работы связана с фертильностью и инфертильностью: зачатием, контрацепцией и иногда абортами. Люди обращаются ко мне, желая избавиться от

беременности или, наоборот, способствовать ей; предотвратить овуляцию или стимулировать ее. Я даю советы, прописываю лекарства и рисую картинки, изображающие мужскую и женскую анатомию. Однако даже сегодня многие аспекты фертильности и ее ритмов остаются тайной.

Зарождение новой жизни обычно проходит незаметно: некоторые женщины испытывают кратковременную боль в момент овуляции, но зачатие может произойти в течение суток после этого момента, и ни зачатие, ни имплантация в матке не сопровождаются никакими ощущениями.

Консультация может быть как радостной, так и печальной. Женщина заходит ко мне в кабинет, садится и говорит: «Я беременна». По тону, с которым сказаны эти слова, я могу определить, является этот факт поводом для счастья или для грусти. Сначала я делаю вывод сам, а затем медленно спрашиваю: «И что вы об этом думаете?» — просто чтобы убедиться. «Я счастлива!» — иногда слышу я или: «Я в ужасе!» Иногда па-

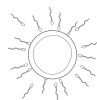

Может потребоваться несколько недель, чтобы женщина заподозрила беременность и пошла за тестом.

циентка открывает сумку и торопливо выкладывает на стол тесты на беременность, на каждом из которых можно увидеть либо синий крестик, либо двойную розовую полосу.

Мы внимательно рассматриваем их, поворачивая под разным углом, чтобы исключить вероятность ошибки, а затем я даю женщине тест из собственного ящика и прошу снова его пройти. Пока моча струится на тест, мы внимательно наблюдаем за происходящим; наши лица при этом либо встревоженные и сосредоточенные, либо освещенные радостным волнением.

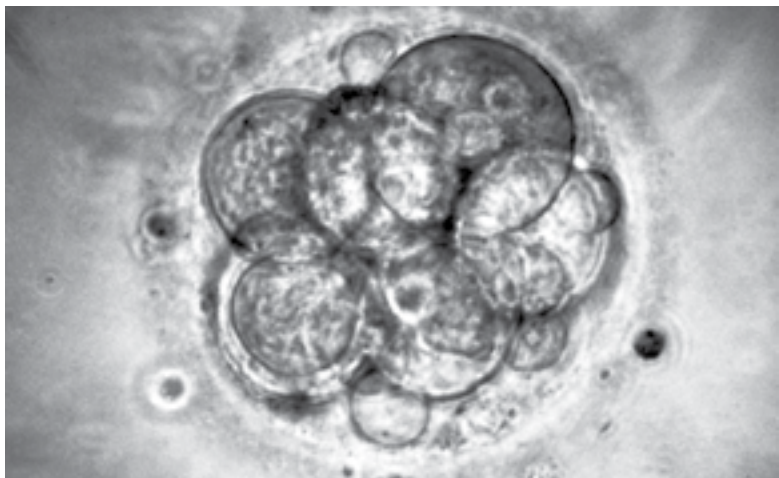
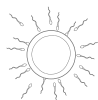
Сегодняшние тесты настолько чувствительны, что многие женщины могут узнать о своей беременности уже через несколько дней после зачатия, когда эмбрион представляет собой тонкую ниточку клеток на желеобразном диске — зачаток будущего позвоночника. Когда настроение в кабинете радост-

ное, эти моменты воспринимаются как награда, вне зависимости от того, долгожданный это ребенок или радостный сюрприз. На других консультациях, когда настроение печальное, мои вопросы становятся чуть более насущными: когда у вас была последняя менструация? Насколько регулярен ваш цикл? Когда вы могли зачать? Были ли вы беременны ранее? Сегодня мы привыкли контролировать собственные тела, однако беременность является первобытным напоминанием о том, что перемены в организме иногда от нас не зависят; у тела есть собственные ритмы, пути и места назначения. Для многих женщин наиболее пугающей является именно неумолимость беременности: процесс, не похожий ни на какие другие, запущен, и для женщины мир никогда уже не будет прежним, вне зависимости от того, сохранит она беременность или нет.

На большей части территории Великобритании женщина по собственному желанию может потребовать прерывания беременности, после чего два медицинских работника должны подписать документ, подтверждающий, что сохранение беременности несет опасность для ее физического или ментального здоровья. Направление на аборт — процесс быстрый и тайный. Я направлял на него счастливо замужних женщин, зачавших не от супруга, и подростков, чья жизнь превратится в ад, если их родители узнают о случившемся. К счастью, беременных подростков сегодня стало меньше: благодаря половому воспитанию и доступности контрацептивов уровень подростковой беременности в Великобритании сократился в два раза.

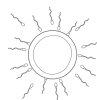
Однажды я наблюдал за экстракорпоральным оплодотворением (ЭКО): семя капнули из пипетки на яйцеклетку, лежащую в стеклянном блюде, где она оплодотворилась практически сразу. Клетки оставили делиться: при каждом делении они становились меньше и меньше, пока протоэмбрион не стал полым шаром, все еще сравнимым по размеру с исходной яйцеклеткой. Поначалу развитие новой жизни не сопровождается увеличением размеров и веса: химические элементы,

присутствующие внутри яйцеклетки и сперматозоида, просто переплетаются по-новому. Процесс оплодотворения казался одновременно впечатляющим и обыденным, подобно процессу опыления цветка пчелой.

Век назад массачусетский врач Дункан Макдугалл взвешивал своих пациентов непосредственно перед смертью и сразу после нее: потеря массы тела, то есть вес души, составляла 21 грамм. Его измерения были ошибочными: ни смерть, ни зачатие не сопровождаются изменениями в весе и массе тела. Это просто прекращение или зарождение процессов, которые поддерживают нас, то есть начало нового процесса трансформации.

Ханне Молье было 24, когда мы встретились. Ее длинные волосы, убранные в пучок, на каждой консультации меняли цвет, как светофор. Она носила синие или фиолетовые платья длиной по щиколотку. Они с мужем Генри переехали в Шотландию из долин Уэльса, и ее акцент был настолько силен, что я часто просил ее повторить сказанное. Однажды она открыла сумку и выложила мне на стол три теста на беременность.

— Я беременна, — сказала она.

— И что вы об этом думаете? — спросил я.

— Я не планировала беременность, если вы имеете в виду это, но я ее сохраню.

Мы поговорили о витаминах, акушерах, УЗИ и об утренней тошноте, а затем я направил ее в пренатальный центр.

Мы часто виделись во время ее беременности, которая оказалась мучительной: повышенное давление, тошнота, изжога и боль в спине, которая была настолько сильной, что Ханна едва могла ходить.

— Больше никаких беременностей, — сказала она своим певучим голосом. — С меня и одной хватит.

Через шесть недель после родов она принесла ребенка ко мне на прием: хрупкую маленькую девочку с чернильными глазами и светлым пушком на теле. После того как я закончил осмотр ее дочери и проверил, насколько хорошо заживает шрам от кесарева сечения, мы обсудили варианты контрацепции. Она вышла из моего кабинета с рецептом на противозачаточные таблетки.

— Они надежны на 99%, — сказал я ей. — Очень важно принимать их ежедневно примерно в одно и то же время.

Через три месяца она вернулась в клинику, толкая перед собой коляску. Когда я вышел в зал ожидания, чтобы пригласить ее, я заметил, что она сидела рядом с другой моей пациенткой, которая готовилась к своей третьей попытке ЭКО.

— Я снова беременна! — сказала Ханна, проталкивая коляску через дверной проем моего кабинета. Она села и продолжила качать коляску одной рукой.

— И что вы об этом думаете? — спросил я.

— Это настоящий кошмар! Я еще не пришла в себя после прошлой беременности. Я все сразу поняла: тошнота, боль в груди...

Она сделала небольшую паузу. Выражение ее лица изменилось, когда она поняла, что я имею в виду.

— Но мы оставим ребенка. Мы с Генри так решили.